УДК 811.161.1'38 + 821.161.1

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-41-48

СВОЕОБРАЗИЕ КОНЦЕПТА «ВОЛЯ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА К. Д. БАЛЬМОНТА

Н. Г. Петрова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск

Введение. В последние годы концепт «воля» неоднократно становился объектом исследовательского внимания лингвистов, что позволило установить его принадлежность к числу важнейших понятий, характеризующих как русский характер, так и национальную ментальность.

Цель – выявление на материале сборников стихов «Горящие здания» (1900) и «Только любовь» (1903) своеобразие концепта «воля» в художественной картине мира К. Д. Бальмонта (1867–1942).

Материал и методы. Исследование выполнено с позиций коммуникативной стилистики текста, изучающей текст и как форму коммуникации, и как явление идиостиля.

Основные результаты. При рассмотрении особенностей концепта «воля» в художественной картине мира К. Д. Бальмонта учитывалась позиция В. И. Карасика, различающего образный, понятийный и ценностный компоненты в рамках такого многомерного образования, как концепт. Установлено, что концепт «воля» эксплицитно репрезентирован преимущественно лексемами «воля» и «вольный», а также лексемой «неволя», выступающей в качестве актуализатора анализируемого одноименного концепта. Выявлена динамика в понятийной составляющей концепта «воля»: если в сборнике «Горящие здания» (1900) у лексической единицы *воля*, номинирующей одноименный концепт, частотным оказывается значение «свобода», то в сборнике «Только любовь» (1903) – «желание»/«хотение». Поскольку в поэзии А. С. Пушкина, по данным О. И. Митрофановой, лексема «воля», кроме других значений, употребляется также и в значении «свободное состояние», то это позволяет говорить о частичном сходстве в понятийной составляющей концепта «воля» в поэтическом творчестве А. С. Пушкина и К. Д. Бальмонта. Показано, что важную роль в формировании концепта «воля» играют лексические регулятивы разных типов (лексические регулятивные цепочки разных видов, а также регулятивная рамка, в основе которой лежит стилистический прием синтаксического параллелизма как частный случай повтора). Участие этих же типов лексических регулятивов в формировании концептов «жизнь» и «одиночество» позволяет говорить о наличии у них не только регулятивной, но и концептообразующей функции. Отмечена связь концепта «воля» с концептами «творчество» и «красота».

Заключение. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что концепт «воля» обладает несомненной ценностью для К. Д. Бальмонта и занимает одно из важных мест в художественной картине мира поэта-символиста.

Ключевые слова: концепт «воля», лексический регулятив, картина мира, К. Д. Бальмонт.

Введение

Концепт *воля* неоднократно становился объектом внимания лингвистов (см. работы Н. Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, О. С. Егоровой и О. А. Кирилловой, Н. М. Катаевой, А. Г. Лисицына, Н. М. Петровых, Е. В. Урысон и др.).

В научной литературе отмечается, что данный концепт в русской языковой картине мира тесно связан с концептом *свобода* (см. об этом, например: [1–3]). Наличие у концепта *воля* смысловой пары (*свобода*) позволяет ученым трактовать их, как и концепты *долг* – *обязанность*, *мечта* – *греза*, *правда* – *истина*, *грусть* – *печаль*, *честь* – *совесть*, *мысль* – *идея*, в качестве парных ([4, с. 3; 5, с. 52; 6, с. 219]).

С точки зрения О. И. Митрофановой, концепт *воля*, наряду с концептами *дух*, *душа*, *вера*, *любовь*, *истина*, *правда* и *надежда*, относится к нравственно-этическим концептам, дающим важный материал для осмысления как картины мира носителей языка, так и национального менталитета [7, с. 18].

Исследования, проведенные в области сопоставительной концептологии, позволили установить,

что данный концепт, по мнению В. А. Масловой, входит в группу этноцентрических концептов, т. е. ориентированных на конкретный этнос (см. об этом [7, с. 15]). Кроме того, он является безэквивалентным (этноспецифическим) концептом, так как свойственен лишь русской ментальности и не имеет полных аналогов в других культурах и языках (см. [5, с. 52]). Ср. вывод, сделанный Н. М. Петровых: «...воля – это изначально концепт русского сознания, а свобода – европейского» [1, с. 214]. Об этом также свидетельствуют и наблюдения Д. Р. Мухтаровой над реализацией концепта *воля* в национальных концептосферах русских и англичан: если для национального самосознания англичан ближе понятие «свобода», то для русского – «воля» [8, с. 8].

Таким образом, *воля*, согласно выводам ученых, относится к числу важнейших понятий, характеризующих не только русский характер, но и национальную ментальность.

В последние годы исследователи обращаются к рассмотрению особенностей функционирования

ключевого для русской культуры концепта *воля* в творчестве как поэтов, так и писателей, в том числе и в сопоставительном аспекте.

Так, предметом исследовательского интереса О. И. Митрофановой стали не только все случаи использования в стихотворениях П. А. Вяземского концепта *воля*, но и таких базовых концептов русской ментальности, как *Бог, вера, дух, душа, мир, вечность, истина, правда*, а также *любовь* и *надежда* [7].

Д. Р. Мухтарова изучила своеобразие концепта *воля* в творчестве В. М. Шукшина [8]. Примечательно, что для выявления художественных способов выражения различных граней концепта *воля* как в рассказах, так и романе писателя «Я пришел дать вам волю» исследовательница привлекает также и разножанровые произведения Н. С. Лескова, оказавшего значительное влияние на творчество В. М. Шукшина.

О. Г. Орлова обращается к выявлению индивидуально-авторского представления о воле в рассказе Н. А. Тэффи «Воля» [6].

Л. С. Наградова рассматривает особенности фразеологической репрезентации концепта *воля* в пьесах А. Н. Островского [9].

Цель статьи

Целью настоящей статьи является выявление своеобразия концепта *воля* в художественной картине мира яркого представителя русского символизма – К. Д. Бальмонта (1867–1942).

Следует отметить, что статья выполняется в русле одного из научных направлений функциональной стилистики – коммуникативной стилистики текста, развивающегося в Томском государственном педагогическом университете. (Об основных этапах становления и тенденциях развития данного направления, изучающего текст не только как форму коммуникации, но и явление идиостиля, см. [10].)

Материал и методы

Материалом для анализа послужили два сборника стихов поэта-символиста: «Горящие здания» (1900) (далее – Гз.) и «Только любовь» (1903) (далее – Тл.) [11], относящиеся ко второму из трех значительных периодов «доэмигрантского Бальмонта».

При рассмотрении специфики концепта *воля* в художественной картине мира К. Д. Бальмонта будем исходить из позиции В. И. Карасика, предложившего различать три компонента в рамках такого многомерного образования, как концепт: образный, понятийный и ценностный [12]. (О других подходах в изучении концептов см., например, работы З. Д. Поповой и И. А. Стернина, С. Г. Воркачева, М. В. Пименовой; о послойной структуре ху-

дожественного концепта – в исследованиях И. А. Тарасовой.)

Следует отметить, что нами лексикографический анализ слов, репрезентирующих анализируемый концепт, не проводился, поскольку данный вопрос достаточно подробно освещен в научной литературе (см.: [1, с. 208–210; 4, с. 10–12; 5; 13, с. 10–11]).

Результаты исследования

Концепт *воля* обладает несомненной ценностью для К. Д. Бальмонта, несмотря на, казалось бы, незначительное количество словоупотреблений лексемы «*воля*», репрезентирующей данный концепт в сборниках стихов «Горящие здания» (1900) и «Только любовь» (1903), – 16. (Ср., например, частотность других лексических единиц среди имен существительных: «*душа*» встретила 131 раз, «*сердце*» – 88, «*жизнь*» – 82 раза.). Красноречивым тому подтверждением может служить, в частности, признание поэта-символиста в статье «Русский язык» в том, что именно слово «*воля*» является для него самым дорогим и всеобъемлющим словом живого русского языка, любовь к которому он пронес через всю жизнь. Заметим, что в статье данное слово не только выделено курсивом, но и написано с большой буквы, что также подчеркивает «особое расположение» к нему К. Д. Бальмонта [11, с. 559–560].

Наблюдения показали, что в выбранных для анализа сборниках стихов К. Д. Бальмонта отмечается динамика в отношении актуализации понятийной составляющей концепта *воля*.

Так, в сборнике стихов «Горящие здания» доминирующим значением у лексической единицы «*воля*», номинирующей одноименный концепт, выступает «*свобода, независимость от внутренней связи с кем- или чем-либо*». Ср., например, строки из стихотворения «Скифы», в котором лирический герой отождествляет себя с одним из представителей многочисленных и воинственных кочевых племен, существование которых датируется VIII в. до н. э. – IV в. н. э.: «*Мы блаженные сонмы свободно кочующих скифов, / Только **воля** одна нам превыше всего дорога. // Бросив замок Ольвийский с его изваяньями грифов, / От врага укрываясь, мы всюду настигнем врага. // Нет ни капищ у нас, ни богов, только зыбкие тучи / От востока на запад молитвенным светят лучом, / Только богу войны темный хворост слагаем мы в кучи, / И вершину тех куч укрываем железным мечом*» [11, с. 32].

Как видно, в данном поэтическом тексте, написанном от первого лица (эготивном, по Ю. И. Левину), представление о воле как свободе от кого- или чего-либо (исключение составляет только бог войны!) поддерживается также за счет наречия

«свободно» и употребления «нет» в значении сказуемого в сочетании с отрицательно-присоединительным союзом «ни ... ни», усиливающим отрицание привязанности к объектам материального и нематериального мира.

Небезынтересно, что в Большом толковом словаре русского языка данное значение у слова «воля» отмечается в качестве последнего и снабжено пометой: «**ВОЛЯ**, -и; **ж** <...> 5. *Трад.-нар.* Отсутствие зависимости от кого-, чего-л., возможность располагать собою по собственному усмотрению, без отчета кому бы то ни было; свобода от внутренней связи с кем-, чем-либо. *Жить на воле. Рваться на волю. Выпустить птиц на волю*» [14].

Следует отметить, что в сборнике стихов «Горящие здания» отчетливо прослеживается тенденция смещения представления о воле как свободе в плоскость несвободы, т. е. неволи.

Примером может служить стихотворение из одноименного цикла «Страна Неволи», в котором передается состояние безысходности лирического героя, связанное с осознанием тотальной (бесконечной во времени и пространстве) несвободы и непониманием выхода из создавшейся ситуации. Существенную роль в передаче данного состояния играет регулятивная модель, представляющая собой взаимосвязь заглавия и регулятивной рамки на уровне целого текста: «*Я попал в страну Неволи. Еду ночью, – всюду лес. // Еду днем, – и сеть деревьев заслоняет глубь небес. <...> А во тьме так страшно встретить очерк бледного лица. // Я попал в страну Неволи... Нет конца*» [11, с. 61]. (О регулятивной рамке и ее видах, а также о регулятивных моделях в поэзии К. Д. Бальмонта см., например, [15, с. 122–134].)

Как видно из приведенного примера, указывая на важность для лирического героя ощущения свободы, лексическая единица «неволя», обладающая противоположным значением к лексеме «воля», выступает в качестве актуализатора анализируемого одноименного концепта. (О единицах, входящих в структуру текстового ассоциативно-смыслового поля концепта, см.: [16, с. 75].)

Показательно, что в поэтических текстах К. Д. Бальмонта наблюдается перенесение состояния неволи (несвободы) из внешнего мира на внутренний, т. е. из физического плана, окружающего лирического героя, в ментальный, в область сознания.

Рефлексия поэта относительно состояния несвободы человека в мире приводит К. Д. Бальмонта и его лирического героя к пониманию того, что именно он сам, а не кто-то другой (!) создает себе ограничения (неволю) в своем сознании (своих мыслях и чувствах). Именно эта собственная «заколдованность» сознания (внутреннего мира) приносит ему страдания и не позволяет жить полно-

ценной духовной жизнью. Ср.: «*Но, видя в жизни знак безбрежной воли, / Создатель, я созданием не любим, / И, весь дрожа от нестерпимой боли, / Живя у самого себя в неволе, / Я ранен на смерть разумом моим*» («Я насмерть поражен своим сознанием ...») [11, с. 65–66]; «*Измучен в подневольной тесноте, / С чудовищной Змеею липко скован, / Дрожа от омерзенья к духоте, / Я чувствовал, что ум мой заколдован, / Что нет конца уродливой мечте. // Вдруг, в ужасе, неизвестном доколе, / Я превратился в главный лик Змеи, / И мир – был мой, я – у себя в неволе*» («Смертию – смерть») [11, с. 124].

В стихотворении «Смертию – смерть», завершающем сборник «Горящие здания», красочно описана победа лирического героя над неволей, заключенной в его сознании (и сознании самого автора), т. е. внутреннее освобождение: «*Я развернул мерцающие звенья, / И, мир порвав, сам вспыхнул, – но за то, / Горя и задыхаясь от мученья, / Я умертвил ужасное Ничто. <...> Вновь манит мир безвестной глубиной, / Нет больше стен, нет сказки жалко-скудной, / И я не Змей, уродливо-больной, / Я – люцифер небесно-изумрудный, / В безбрежности, освобожденной мной*» [11, с. 124].

Н. М. Петровых, анализируя ассоциативное поле с именем воля, приходит к выводу, что воля – это ценностная доминанта русского бунта, именно она и выступает «в качестве его цели и одновременно первоначала» [1, с. 211–212].

Показательно, что в отличие от «внешнего» бунта, носителем которого является, например, герой романа В. М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» Степан Разин, для лирического героя К. Д. Бальмонта характерен бунт «внутренний».

Обретение внутренней свободы (свободы сознания, свободы духа) приводит к тому, что физическая несвобода (неволя) больше не является проблемой для лирического героя К. Д. Бальмонта. Ср. строки из стихотворения «Один из итогов» из сборника «Только любовь»: «*Моя заманчивая доля – / Быть даже вольным и в цепях*» [11, с. 278].

Неволя как несвобода не только больше не вызывает у лирического героя (как и у самого поэта!) отрицательных эмоций: «*О, горячее сердце, что ж возьмешь ты как долю, / Полнозвучность ли грома и сверкающий свет, / Или радость быть дома и уют и неволю? // Нет, твой дом изначальный – где рожденье комет*» («Красота», Тл.) [11, с. 273], но и в ряде случаев расценивается как незначительное препятствие/преграда, досадное недоразумение, не мешающее общему течению жизни и не меняющее ее ход: «*Вьются пчелы меж стеблей, / Прогудит мохнатый шмель. // Ты бежишь скорей, скорей, / Вдруг неволя – среди камней, / Вспенясь, звонче, веселей, / Зажурчишь ты: „Мель, мель, мель!“*» («Русчеек», Тл.) [11, с. 217]. Примечательно, что «мас-

штаб» неволи, как и ее «качество», существенно меняется.

Анализ показал, что представление о воле как свободе (и прежде всего пространственной) поддерживается полисемантическим прилагательным «вольный» со значением «свободный». Данное прилагательное в отмеченном значении употребляется как в сборнике «Горящие здания»: «Я гибну скорпионом – гордым, вольным» («Скорпион») [11, с. 35]; «Я – вольный сон, я всюду и нигде: / Вода блестит, но разве луч в воде?» («Я – просветленный, я кажусь собой...») [11, с. 105], так и в сборнике «Только любовь»: «Наши числа приковали / Нас к земле угрюмой, / И в просторах вольной дали / Мы скользим лишь думой» («Коромысло») [11, с. 215]; «Знаю, что счастлив я нежной победой, / Знаю, ты счастлива мною, желанная, // Вольной Луною со мною венчанная» («Лунная соната, 2», Тл.) [11, с. 223].

Из приведенных примеров видно, что сочетания с прилагательным «вольный» в большинстве случаев отражают индивидуальное восприятие поэтом окружающего мира, т. е. являются авторскими.

В отличие от сборника «Горящие здания» в сборнике стихов «Только любовь» отмечаются единичные контексты, в которых у слова «воля» реализуется значение «свобода». См., например, строки из стихотворения «Жемчуг»: «Паутинка сентябрьского дня, / Ты блестяшь далеко от меня. // Но со мной ты на выжатом поле, / Ты со мною – под Солнцем, **на воле**» [11, с. 226].

Типичным же в данном сборнике является представление о воле как желании/хотении, а также случаи, когда у многозначной лексической единицы «воля» в пределах высказывания или одновременно актуализируются разные значения, или, наоборот, значение многозначного слова не конкретизируется (так называемые «размытые» случаи).

Обратимся к их рассмотрению.

Например, в стихотворении «Красота», в котором поэт делится личными представлениями о том, как создается красота (ср. «Гимн Красоте» Ш. Бодлера), у лексической единицы «воля» в рамках высказывания одновременно актуализируются два значения: «хотение»/«желание» и «свобода». Ср.: «Красота создается из восторга и боли, / Из желания и воли и тяжелых цепей. // Все, что хочешь, замкнешь ты в очертания доли, / Красоту ли с грозой, или тишь серых дней» [11, с. 272].

Если одним из своих значений многозначная лексическая единица «воля» вступает в синонимические отношения со словом «желание», то другим («свобода») – в антонимические с лексемой «цепи» со значением «то, что сковывает свободу» (см. [14]). Такое сочетание лексических единиц приводит к образованию синонимично-антоними-

ческой цепочки как разновидности регулятивных цепочек, основанных на семантической соотнесенности слов.

В приведенном текстовом фрагменте, кроме отмеченного вида цепочек, К. Д. Бальмонт употребляет еще и антонимическую цепочку, также имеющую окказиональный характер. Два вида цепочек ярко и образно передают авторское представление о том, что создание прекрасного – это невероятный труд, требующий умственного и эмоционального напряжения, связанного с переживанием полярных состояний. Отметим, что частотность употребления антонимических цепочек, являясь одной из идиостилевых особенностей поэтического дискурса К. Д. Бальмонта начала XX в., отражает глубоко философское мировосприятие поэта, восходящее, по нашему мнению, к древнекитайской модели мира, характеризующейся не двойственностью сущего. (Подробнее о регулятивных цепочках, их видах и функциях в поэтическом творчестве К. Д. Бальмонта см. в [15, с. 117–121].)

«Размытый» случай, т. е. когда у многозначной лексической единицы «воля» в пределах высказывания значение не конкретизируется, а окружающий контекст не только не проясняет значение лексической единицы, но и расширяет его, обогащая новыми смыслами, отмечается в стихотворении «Жар-птица»: «И меня поймут лишь души, что похожи на меня, / **Люди с волей**, люди с кровью, духи страсти и огня!» [11, с. 200].

Несомненный интерес представляют следующие строки из стихотворения «Один из итогов», обладающие мощным как ауто-, так и гетеросуггестивным эффектом: «Моя заманчивая доля – / Быть даже вольным и в цепях. // О, да, **я воля, воля, воля**. // Я жизнь, я смерть, я страсть, я страх» [11, с. 278]. У лексемы «воля», трижды повторенной в пределах высказывания, что приводит к образованию именной регулятивной цепочки как одной из разновидностей регулятивных цепочек, основанных на повторе тождественных лексических единиц, значение также не конкретизируется. Окружающий же контекст, как и в приведенном выше примере, не способствует уточнению значения лексической единицы, а осложняет его дополнительными смыслами («порыв», «стремление», «власть над собой», «настойчивость в достижении поставленных целей» и др.) за счет четырех предикативных метафор, вступающих попарно в антонимические отношения. Для сравнения см. стихотворение «Поздно» из сборника «Будем как солнце» (1903). Поскольку в перспективе текста происходит актуализация всего семантического потенциала лексической единицы, вынесенной в заглавие, то при трехкратном ее повторении в конце

поэтического произведения она воспринимается как многозначная лексическая единица, но одновременно со всеми ее лексико-семантическими вариантами ('*позднее время*' и '*упущенный момент*'): «*Было полночь в наших думах. // Было поздно, поздно, поздно*» [11, с. 166].

Думается, что в рассмотренных примерах отсутствие конкретизации у лексемы «воля», а по сути, одновременная актуализация всего семантического потенциала лексической единицы, способствует активизации познавательной деятельности читателя.

Заметим, что «нанизывание» предикативных метафор, а также употребление различных видов повторов, образующих, в том числе, и разные виды регулятивных цепочек, выступают в качестве излюбленных приемов К. Д. Бальмонта.

Показательно, что существенная роль в формировании концепта *воля* принадлежит лексическим регулятивным цепочкам разных видов, а также регулятивной модели, представляющей собой взаимосвязь заглавия и регулятивной рамки, в основе которой лежит стилистический прием синтаксического параллелизма.

Необходимо отметить, что разные виды двух типов лексических регулятивов (лексические регулятивные цепочки и лексические регулятивные структуры, основанные на синтаксическом параллелизме как частном случае повтора) принимали активное участие и в формировании рассмотренных нами ранее концептов *жизнь* и *одиночество* [17; 18]. Тем самым в очередной раз подтверждается правильность высказанного суждения о том, что данные типы лексических регулятивов не только реализуют регулятивную функцию на разных этапах смыслового развертывания текста, но и выступают в поэзии К. Д. Бальмонта в качестве значимых концептообразующих элементов.

Небезынтересно, что в статье «Русский язык», опубликованной в Париже в 1924 году, поэт рассуждает о том, что слово «*воля*» подобно старинному ларцу с двойным дном, поскольку у него два смысла: «*воля-хотение*» и «*воля-свобода*». В ларце таком, отмечает К. Д. Бальмонт, «легко устраняется разделяющая преграда двойного дна, и сокровища соединяются, взаимно обогащаясь переливаниями светов. Один смысл слова „воля“, в самом простом изначальном словоупотреблении, светит другому смыслу, в меру отягощает содержательностью его живую существенность» [11, с. 560].

По мнению К. Д. Бальмонта, *воля-хотение* и *воля-свобода* — это «два талисмана, беспредельно желанные, но неизбежно нуждающиеся в точно определенных пределах, — будь то строгий устав правильно обожившей жизни или же великий искус и подвиг личного внутреннего самоограничения» [11, с. 560].

Как видим, поэт не только четко сформулировал значения у слова «*воля*», в разной степени актуализированные в сборниках стихов «*Горящие здания*» (1900) и «*Только любовь*» (1903), но и указал на их тесную связь и взаимное обогащение. Вероятно, этой связью (неразрывностью двух смыслов) и в то же время их «неслиянностью» для К. Д. Бальмонта двух значений лексической единицы «*воля*» можно объяснить приводимые в статье примеры из сборника «*Только любовь*» (1903), в которых значение у номинирующей анализируемый концепт лексемы не конкретизируется.

Небезынтересно, что если в поэзии П. А. Вяземского «*воля*» употребляется в двух значениях: как '*способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели*' и как '*сознательное стремление к осуществлению чего-нибудь*', то у А. С. Пушкина, кроме указанных двух значений, частотным оказывается также и третье — '*свободное состояние*' [19, с. 166]. Данный факт позволяет говорить о частичном сходстве (своего рода пересечении) в понятийной составляющей концепта *воля* в поэтическом творчестве А. С. Пушкина и К. Д. Бальмонта и, как следствие, о некоторой общности индивидуальных картин мира двух поэтов.

Считаем, что фрагмент статьи «Русский язык», посвященный слову «*воля*», в очередной раз убеждает, что К. Д. Бальмонт — писатель глубокий, размышляющий над собой, над явлениями окружающего мира, включая и смысл слов, а также тонко чувствующий все оттенки и нюансы родного языка.

Любопытно, что статья «Русский язык» имеет подзаголовок, выделенный курсивом, — *Воля как основа творчества*. Тем самым прослеживается тесная связь в художественной картине мира К. Д. Бальмонта между волей как базовой ценностью со всеми ее составляющими (желанием/хотением, внутренней свободой, властью над собой / сознательными ограничениями, включая и одиночество, духовным напряжением, горением, сомнениями и др.) и творческой деятельностью.

Заключение

Анализ концепта *воля*, проведенный на материале сборников стихов «*Горящие здания*» (1900) и «*Только любовь*» (1903), позволил установить, что данный концепт не только обладает ценностью для К. Д. Бальмонта, но и занимает одно из важных мест в его художественной картине мира.

Своеобразие концепта *воля* состоит прежде всего в динамике понятийной составляющей: от актуализации у лексической единицы *воля*, номинирующей одноименный концепт, значений '*свобода*' в сборнике стихов «*Горящие здания*» (1900) и '*желание*'/'*хотение*' в сборнике «*Только любовь*»

(1903) – до их формулировки и указания на тесную связь в статье «Русский язык» (1924). Наличие у концепта *воля* изменений в содержательном плане согласуется с мнением И. А. Тарасовой, указывающей на возможную эволюцию концептуального содержания художественного концепта в зависимости от разных периодов творчества поэта или писателя (см. [20, с. 77]).

Участие лексических регулятивов разных типов в формировании концепта «воля», как и концептов «жизнь» и «одиночество», позволяет говорить о свойственной им не только регулятивной функции, но и концептообразующей.

Установлено, что концепт *воля* в художественной картине мира К. Д. Бальмонта связан с концептами *красота* и *творчество*.

Список литературы

1. Петровых Н. М. Концепты *воля* и *свобода* в русском языковом сознании // Известия Уральского гос. ун-та. 2002. № 4. С. 207–217.
2. Арутюнова Н. Д. Воля и свобода // Логический анализ языка. М.: Индрик, 2003. С. 73–99.
3. Егорова О. С., Кириллова О. А. «Свобода» и «воля» как ключевые концепты русской культуры // Ярославский пед. вестник. 2012. Т. 1, № 4. С. 161–167.
4. Катаева Н. М. Русский концепт ВОЛЯ: От словаря – к тексту: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 20 с.
5. Пименова М. В. Безэквивалентные концепты (на примере концепта *воля*) // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. Т. 8, № 2. С. 51–57.
6. Орлова О. Г. Индивидуально-авторское представление о воле в рассказе Тэффи «Воля» // Сибирский филол. журн. 2010. Вып. 1. С. 219–227.
7. Митрофанова О. И. Базовые концепты русской ментальности в поэтическом языке П. А. Вяземского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 22 с.
8. Мухтарова Д. Р. Традиции Н. С. Лескова в творчестве В. М. Шукшина: концепт «воля»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 19 с.
9. Наградова Л. С. Особенности фразеологической репрезентации концепта «Воля» в пьесах А. Н. Островского // Вестн. Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2011. Т. 17, № 2. С. 180–182.
10. Болотнова Н. С. Тенденции и основные этапы развития коммуникативной стилистики текста (к 25-летию научного направления) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2018. Вып. 4 (193). С. 32–40. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-32-40.
11. Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. М.: Правда, 1990. 608 с.
12. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. С. 3–16.
13. Красильникова Е. В. Функционирование концепта «Воля» в русском и английском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010. 21 с.
14. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bt=s&x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D1%82%D0%B8%D1%88%D0%B8%D0%BD%D0%B0>. (дата обращения: 17.04.2018).
15. Петрова Н. Г. Типы лексических регулятивов и их взаимосвязь в лирике К. Д. Бальмонта // Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2011. С. 14–140.
16. Болотнова Н. С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2007. Вып. 2 (65). Серия: Гуманитарные науки (Филология). С. 74–79.
17. Петрова Н. Г. Концепт *жизнь* и его лексическое воплощение в поэзии К. Д. Бальмонта // Русская речевая культура и текст: материалы VI Междунар. науч. конф. (25–27 марта 2010 г.) / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2010. С. 79–87.
18. Петрова Н. Г. Своеобразие концепта *одиночество* в поэтическом дискурсе К. Д. Бальмонта // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 7 (184). С. 61–65. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-61-65.
19. Митрофанова О. И. Сравнительный анализ концепта «воля» в поэзии А. С. Пушкина и П. А. Вяземского // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань: КГУ, 2004. С. 164–168.
20. Тарасова И. А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 280 с.

Петрова Нина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, Россия, 630126). E-mail: npetrova@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 05.02.2019.

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-4-41-48

PECULIARITY OF THE CONCEPT VOLYA (WILL) IN K. D. BALMONT'S ARTISTIC PICTURE OF THE WORLD

N. G. Petrova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

Introduction. The concept *volya* (will) has often become the object of the linguists' scientific research being one of the most important notions which characterize both the Russian character and the national mentality.

The purpose of the article is to explore the peculiarity of the concept *volya* (will) in K. D. Balmont's (1867–1942) artistic picture of the world on the basis of the poetry collections "Burning Buildings" (1900), "Only Love" (1903).

Material and methods. The research is carried out from the point of view of the communicative stylistics of the text which studies the text both as the form of communication and the individual style.

While discussing the peculiarities of the concept *volya* (will) in K. D. Balmont's artistic picture of the world the position of V. I. Karasik was taken into account who differentiates the figurative, notional and evaluative components in the structure of such multidimensional body as concept.

Results and discussion. It was stated that the concept *volya* (will) is explicitly represented by such lexical items as *will* and *free* and by the lexical item *captivity* which foregrounds the similarly-named concept under study.

The dynamics of the notional component of the concept *volya* (will) was revealed. Whereas in the poetry collection "Burning Buildings" (1900) the lexical unit *volya* (will) which nominates the similarly-named concept has the frequent meaning 'freedom', in the poetry collection "Only Love" (1903) the lexical unit *volya* (will) has the frequent meaning 'wish/volition'.

According to O. I. Mitrophanova, in A. S. Pushkin's poetry the lexical unit *volya* (will) apart from other meanings is used in the meaning of 'free state'. This fact lets us come to the conclusion about partial similarity of the notional component of the concept *volya* (will) in the poetry writing of A. S. Pushkin and K. D. Balmont.

It was shown that the regulative units of different types (lexical regulative chains of various kinds, the regulative frame with the syntactic parallelism as an instance of repetition at the basis) play a great role in the formation of the concept *volya* (will). The participation of these lexical regulative units in the formation of the concepts «life» and «solitude» lets us presuppose that they realize not only regulative but also concept-building function.

The connection of the concept *volya* (will) with the concepts «creativity» and «beauty» was mentioned.

Conclusion. The analysis which was carried out lets us make a conclusion that the concept «volia» (will) bears value for K. D. Balmont and takes one of the most prominent places in the artistic picture of the symbolist poet.

Keywords: concept «volia» (will), lexical regulative unit, world picture, K. D. Balmont.

References

1. Petrovykh N. M. Kontsepty volya i svoboda v russkom yazykovom soznanii [Concepts will and freedom in the Russian language consciousness]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestia. Ural Federal University Journal*, 2002, no. 4, pp. 207–217 (in Russian).
2. Arutyunova N. D. Volya i svoboda [Will and freedom]. *Logicheskii analiz yazyka* [Logical analysis of language]. Moscow, Indrik Publ., 2003. Pp. 73–99 (in Russian).
3. Egorova O. S., Kirillova O. A. «Svoboda» i «volia» kak klyuchevye kontsepty russkoy kul'tury ["Freedom" and "will" as key concepts of Russian culture]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik – Yaroslavl pedagogical Bulletin*, 2012, vol. 1, no. 4, pp. 161–167 (in Russian).
4. Katayeva N. M. *Russkiy kontsept VOLYA: Ot slovary – k tekstu*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Russian concept VOLYA: From the dictionary – to the text. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Ekaterinburg, 2004. 20 p. (in Russian).
5. Pimenova M. V. Bezezhkivalentnye kontsepty (na primere kontsepta volya) [Nonequivalent concepts (the Russian concept volia as an example)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya – NSU Vestnik, Series: «Linguistics and Intercultural Communication»*, 2010, vol. 8, no. 2, pp. 51–57 (in Russian).
6. Orlova O. G. Individual'no-avtorskoye predstavleniye o vole v rasskaze Tehffi «Volya» [The author's individual idea of the Concept Volia (freedom) in Teffi's story Volia]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Philological Journal*, 2010, no. 1, pp. 219–227 (in Russian).
7. Mitrofanova O. I. *Bazovye kontsepty russkoy mental'nosti v poeticheskom yazyke P. A. Vyazemskogo*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Basic concepts of the Russian mentality in the poetic language of P. A. Vyazemsky. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Kazan', 2006. 22 p. (in Russian).
8. Mukhtarova D. R. Traditsii N. S. Leskova v tvorchestve V. M. Shukshina: kontsept «volia». Avtoref. dis. kand. filol. nauk [N. S. Leskov's traditions in the works of V. M. Shukshin: the concept of "will". Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Tyumen', 2009. 19 p. (in Russian).
9. Nagradova L. S. Osobennosti frazeologicheskoy reprezentatsii kontsepta «Volya» v p'yesakh A. N. Ostrovskogo [Peculiarities of phraseological representation of the concept 'liberty' in plays by A. Ostrovsky]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. – Vestnik of Kostroma State University*, 2011, vol. 17, no. 2, pp. 180–182 (in Russian).
10. Bolotnova N. S. Tendentsii i osnovnye etapy razvitiya kommunikativnoy stilistiki teksta (k 25-letiyu nauchnogo napravleniya) [Tendencies and basic periods of communicative stylistics of text development (for the 25th anniversary of the scientific school)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2018, vol. 4 (193), pp. 32–40 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-32-40.

11. Bal'mont K. *Izbrannoye: Stikhotvoreniya. Perevody. Stat'i* [Selected works: Poems. Translations. Articles]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 608 p. (in Russian).
12. Karasik V. I. O kategoriakh lingvokul'turologii [On the categories of linguoculturology]. *Yazykovaya lichnost': problemy kommunikativnoy deyatel'nosti* [Linguistic personality: problems of communicative activity]. Volgograd, Peremena Publ., 2001. Pp. 3–16 (in Russian).
13. Krasil'nikova E. V. *Funktsionirovaniye kontsepta «Volya» v russkom i angliyskom yazykovom soznanii*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Functioning of the concept of «Will» in the Russian and English language consciousness. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Ufa, 2010. 21 p. (in Russian).
14. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Gl. red. S. A. Kuznetsov [Great Dictionary of the Russian language. Chief editor S. A. Kuznetsov]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998 (in Russian). URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed 17 April 2018).
15. Petrova N. G. Tipy leksicheskikh regulativov i ikh vzaimosvyaz' v lirike K. D. Bal'monta [Types of lexical regulatives and their relationship in the K. D. Balmont' lyrics]. *Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya regulativnost' v tekstovoy deyatel'nosti*. Pod red. N. S. Bolotnovoy [Communicative stylistics of text: lexical regulativity in textual activity. Under the editorship of N. S. Bolotnova]. Tomsk, TSPU Publ., 2011. Pp. 114–140 (in Russian).
16. Bolotnova N. S. O metodike izucheniya assotsiativnogo sloya khudozhestvennogo kontsepta v tekste [Methods of study of associative layer of literature concept in text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2007, vol. 2(65), pp. 74–79 (in Russian).
17. Petrova N. G. Kontsept zhizn'i ego leksicheskoye voploshcheniye v poezii K. D. Bal'monta [The concept of life and its lexical embodiment in the poetry of K. D. Balmont]. *Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchn. konf. ("Russkaya rechevaya kul'tura i tekst")* [Materials of the VI International Scientific Conf. ("Russian speech culture and text")]. Tomsk, TsNTI Publ., 2010. Pp. 79–87 (in Russian).
18. Petrova N. G. Svoyeobraziye kontsepta *odinochestvo* v poeticheskom diskurse K. D. Bal'monta [The peculiarities of the concept "solitude" in K. D. Balmont's poetic discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2017, vol. 7 (184), pp. 61–65 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2017-7-61-65.
19. Mitrofanova O. I. Sravnitel'nyy analiz kontsepta «volya» v poezii A. S. Pushkina i P. A. Vyazemskogo [Comparative analyses of the concept of "will" in the poetry of A. S. Pushkin and P. A. Vyazemsky]. *Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: Lingvokul'turologicheskiy aspekt* [Russian and Comparative Philology: Linguistic and Cultural Aspect]. Kazan, KSU Publ., 2004. Pp. 164–168 (in Russian).
20. Tarasova I. A. *Idiostil' Georgiya Ivanova: kognitivnyy aspekt* [Georgy Ivanov's idiosyle: cognitive aspect]. Saratov, SSU Publ., 2003. 280 p. (in Russian).

Petrova N. G., Novosibirsk State Pedagogical University (ul. Vilyuyuskaya, 28, Novosibirsk, Russian Federation, 630126).
E-mail: npetrova@ngs.ru